

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Елены Львовны Скворцовой
«Культурная традиция и философско-эстетическая мысль в
Японии XX века»,
представленную на соискание ученой степени
доктора философских наук
по специальности 09. 00.04 – эстетика**

Диссертация Е.Л. Скворцовой подводит итог многолетней работы автора над памятниками японской эстетической мысли, обобщает итоги исследований, энциклопедических по своему размаху и глубине: здесь представлена вся философская эстетика Японии от первых опытов начала XX в. до наших дней. Полнота охвата различных направлений эстетической мысли, в том числе и широко известных за пределами Японии, и до сих пор почти не известных, — главная черта исследования Е.Л. Скворцовой. Основное внимание в диссертации сосредоточено на связях между эстетическими учениями японских философов прошлого века, уже знакомых с западной философией, и предшествующей традицией рассуждений об искусстве (поэзии, театре, чайном действе и др.) в памятниках японской словесности начиная с древности и вплоть до Нового времени. Коль скоро связь с традицией в самих исследуемых учениях выделяется как первостепенно важная, выбор темы представляется весьма удачным. Актуальность такой работы несомненна, поскольку она позволяет выправить всё ещё однобокую картину истории эстетических учений, где преобладают западные теории, и тем самым помогает получить более верный взгляд на историю философской мысли в целом. Работа Е.Л. Скворцовой является новаторской по меркам мирового японоведения: столь обстоятельного разбора, сводящего воедино все школы японской эстетики XX в., до сих пор не было представлено ни на одном языке, в том числе и на японском. При этом особенно важным такое исследование представляется для нашей отечественной науки: оно даёт богатейший материал для сопоставлений с эстетическими учениями нашей страны конца XIX в. и всего XX в., —^{***} особенно в области путей осмысления собственной художественной

традиции (японской у японских авторов и российской — у российских) и в области усвоения и переосмысления методов западной эстетики в трудах философов России и Японии.

Цели и задачи диссертационного исследования во Введении указаны чётко, дальнейшее изложение полностью отвечает заявленным планам. Все требуемые рубрики Введения к диссертации сформулированы удачно, по структуре работы у меня возражений нет.

Очень интересной мне представляется глава I, где Е.Л. Скворцова очерчивает основные контуры собственно японской эстетической традиции, на которую затем накладываются западные влияния и в итоге в Японии возникает эстетика как философская дисциплина. Мне лишь кажется спорным принятое у Е.Л. Скворцовой и у других исследователей обозначение традиционной эстетики как «имплицитной» — если я верно понимаю, в отличие от «эксплицитной» эстетики западного образца. Я бы согласилась с таким термином, если бы речь шла только об эстетических воззрениях, выраженных неявно, например, в практических руководствах для поэтов, актёров и др., в жизнеописаниях знаменитых мастеров или других подобных текстах. Однако в японской словесности начиная с эпохи Хэйан (IX–XII вв.) вопросы о природе творчества, о задачах мастера, о восприятии стихов, зрелищ, музыки, вообще о состоянии человека, который любуется прекрасным, говорится вполне явно, эксплицировано, в специальных текстах (трактаты о стихах, о музыке, о цветах, о чайном действе, о театре) с использованием достаточно обширного понятийного инструментария — хотя и нет специального термина, объединяющего все такого рода рассуждения.

В этой главе важно, на мой взгляд, что автор диссертации описывает именно ту традицию, из которой исходили или от которой отталкивались герои следующих глав диссертации, японские мыслители XX в. А для них, разумеется, значимым оказалось далеко не всё наследие японской мысли прежних веков. Мне кажется, было бы полезно в главе I обозначить и те пласты этой мысли, которые в дальнейшем остались не востребованными, и такие, к которым мыслители XX в. обращались лишь косвенно, через посредство авторов эпохи Токугава (начало XVII в. — первая половина XIX в.)! Пример — буддийские рассуждения о поэзии XII–XIII вв., позже

почти забытые, но весьма интересные: стихи как «слова безумца, речи красная», *кё:эн киго*. Другой пример — сочинения о роли изящного слова или музыки в управлении государством: такие сочинения, выстроенные по китайским образцам и жестко формализованные, а потому не особенно увлекательные для чтения, составляют, тем не менее, один из важных разделов «мужской» придворной словесности эпохи Хэйан. Вообще материал, собранный в диссертации Е.Л. Скворцовой, хорошо показывает пути «изобретения традиции» в японской философии XX в., переосмысление одних частей наследия и отсечение других.

Весьма ценен разбор понятий традиционной эстетической мысли, данный в главе I. Он проводит границы между терминами, которые часто смешиваются, особенно в научно-популярной литературе о Японии, указывает области применения каждого из них.

Глава II посвящена истории знакомства японцев с западной философией в эпоху Мэйдзи (1868–1912), — истории поисков ответа на вопрос, было ли в Японии своё самобытное искусство до знакомства с искусством Запада и возможно ли какую-то часть наследия японской мысли считать «философией» — либо следует признать, что философии в Японии до второй половины XIX в. не было вообще. Здесь очень важна подборка различных оценок «отсталости» Японии от западных стран в области искусства и в области теоретической рефлексии, как и различных версий противопоставления японского искусства и образа мысли — западному. Е.Л. Скворцова показывает, в каких полемических контекстах выстраивались такого рода противопоставления, в наши дни нередко воспринимаемые как несомненные («естественность» Востока в противовес западной «искусственности», «синтетический» характер в противоположность «аналитическому», «рассудочный» — «чувственно-телесному» и пр.). Представляется удачным выбранный способ изложения, когда взгляды каждого из обсуждаемых мыслителей рассматриваются в тесной связи с его преподавательской, переводческой, научно-организаторской, публицистической деятельностью. Материал этой главы, на мой взгляд, очень полезен не только для историков философии, но и для историков культуры, для специалистов в таких дисциплинах, как философия образования,

социальная философия и др. Построение главы мне кажется местами слишком сложным (прежде всего — из-за огромного числа обсуждаемых мыслителей и их концепций), но хронологические перескоки, экскурсы в до-мэйдзийское прошлое и в будущее вплоть до XXI в. оправданы стремлением проследить историю мэйдзийских идей и их дальнейшую судьбу. И здесь можно найти многочисленные параллели тем спорам, которые велись и ведутся в нашей отечественной философии.

Далее Е.Л. Скворцова переходит к рассмотрению концепций японских авторов, ставящих вопросы уже не только о японском искусстве, но и об особенностях японской эстетической рефлексии. В главе III обстоятельно проанализированы построения Накамуры Юдзио, связывающие воедино одно из собственно традиционных учений (театральную теорию Дзэами Мотокиё) и учение Нисиды Китаро, уже основанное на соединении традиционного и западного способов философствования. В главе IV столь же тщательно разобраны взгляды Кобаты Дзюндзо, вырастающие из рассмотрения чайного действия и других практик, которые невозможно отнести ни только к художественным, ни исключительно к обрядовым, но можно подвести под общее понятие «праведного искусства». В главе V проанализированы работы Идзири Масуро, который в своей оценке своеобразия японского образа мысли в целом исходит из различных примеров «перетекания» (устройство традиционного японского дома, открытого во внешнюю среду, классическая поэзия Японии и др.). Всё, что сказано в диссертации в этих трех главах о целостном познании, опирающемся на все чувства и на практическое действие, о «разуме тела», вполне убедительно.

Главы VI и VII содержат примеры похожего осмысления эстетических воззрений, только берущие за основу уже не памятники традиционного японского искусства и философской мысли, а современное искусство и быт обитателей мегаполиса: рассмотрены концепции «алгоритмического искусства» (Кавано Хироси) и «компьютерного творчества» (Нитта Хироэ). И наконец, в главе VIII Е.Л. Скворцова анализирует работы Имамита Томонобу, где на равных сосуществуют и западные источники, и японские, и традиционные, и современные, и в итоге выстраивается многосторонняя концепция

«калонологии», одна из самых интересных в мировой эстетической мысли XX в.

Как и всякое ответственно проведённое исследование, диссертация Е.Л. Скворцовой, предлагая читателю обширный новый материал, порождает множество вопросов: не столько к диссертанту, сколько к мыслителям, которые представлены в его работе. Я ограничусь лишь двумя вопросами, на мой взгляд, принципиальными.

1. На протяжении всей диссертации в качестве одного из основных источников японской эстетической мысли выступает даосизм как «китайский пантеистический мистицизм, изложенный в поэтизированной форме в трактатах Лао-Цзы <...> и Чжуан-Цзы» (стр. 26). Мой опыт знакомства с памятниками традиционной японской философской мысли говорит о том, что даосское влияние, в отличие от буддийского или конфуцианского, бывает очень трудно обосновать, несмотря даже на многочисленные (местами — идущие настойчивым рефреном) цитаты из «Дао-дэ-цзин». Эти хрестоматийные цитаты обычно переосмысливаются в буддийском ключе и толкуются в полном отрыве от их собственного древнекитайского контекста. Каким же образом возможно доказать наличие именно даосского влияния в тех памятниках, которые обсуждаются в рассматриваемой диссертации, и почему именно даосское прочтение важнейших философских понятий (таких как «Путь», яп. *До*., кит. *Дао*) оказывается необходимым для понимания концепций японских философов XX в.?

2. Другим не менее важным источником для рассмотренных в диссертации учений, традиционных и современных, выступает синтоизм: и как некая словесно не выразимая мировоззренческая основа японской мысли вообще, и как теория, вполне допускающая систематическое изложение. Однако учения о «пути богов», в отличие, скажем, от буддийских учений Японии, пережили несколько этапов радикальной переработки; в этой области имеются примеры, пожалуй, самого резкого отмежевания последующих учений от предыдущих (и это — при характерной для большинства японских мыслителей установке на преемственность, а не на разрыв традиции). Для концепций, исследуемых в диссертации Е.Л. Скворцовой, как и в целом для японских философских учений начиная с эпохи Мэйдзи и почти до самого конца XX в., синтоизма не существует отдельно от

толкований XVIII–XIX вв., от «Школы национальных наук», Кокугаку-ха. Но и эта школа внутри себя не вполне едина, и в XX в. ее наследие было востребовано далеко не полностью, а оценивалось весьма по-разному. Итак: какие же версии синтоизма преобладают у представителей японской эстетической мысли XX в., и если в этой области между ними тоже существуют разногласия, то какие?

В целом диссертационное исследование Е.Л. Скворцовой выдержано на самом высоком научном уровне, это новаторская работа, энциклопедическая по охвату материала в выбранной области. Выводы полностью обоснованы, итоги исследования всесторонне отражены в научных публикациях автора. Автореферат корректно обобщает содержание диссертационной работы.

Диссертация Е.Л. Скворцовой «Культурная традиция и философско-эстетическая мысль в Японии XX века» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно п.9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а также Паспорту Номенклатуры специальностей научных работников: 09.00.04 – Эстетика (Философские науки). Е.Л. Скворцова заслуживает присвоения искомой ученой степени доктора философских наук.

Официальный оппонент
доктор философских наук,
заместитель главного редактора
журнала «Вопросы философии»
Н.Н. Трубникова

Н.Н. Трубникова

И.И. Мещеряков

М.С. Мещеряков